
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ ИСПАНСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕПЛИКИ

М.В. Кутьева

Кафедра иностранных языков № 3 ИИЯ
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Рассматриваются расширительные тенденции типичного неформального, бытового испанского диалога. Повторы, частое употребление форм превосходной степени, множественного числа, резко негативной или резко позитивной в коннотативном отношении метафорической лексики отражают экспансивность и экзальтированность испанского национального характера.

Ключевые слова: экспрессивность, отсутствие информативности, сдвоенные вопросы, гиперболизация, эмоциональность

Язык — живой организм. В нем переплетается действие, на первый взгляд, исключая друг друга тенденций — к экономии средств и к семантико-синтаксическому расширению. На страницах этой статьи мы рассмотрим вторую из названных сил.

В последние десятилетия испанская разговорная речь резко отдалается от канонов Королевской Академии языка, становится все более наполненной инвективами, все более фрагментарной, обрывистой, изобилующей рассогласованными вставками, аффективно-насыщенной, чреватой эмоциональными взрывами. Известно, что устная речь ситуационно обусловлена и глубоко прагматична [1—3]. В испанской лингвокультуре она полностью ориентирована на адресата, обусловлена его реакциями. Сценарий развития устного дискурса зависит от того, как ведет себя собеседник: одобрительно или равнодушно, доверительно или сдержанно, закрыто. Говорящий использует все имеющиеся в его арсенале фатические средства, чтобы обратить собеседника в свою веру. Обычно испанец высказывает свою точку зрения, а затем ищет сочувствия собеседника, обязательного подтверждения его согласия с заявленным тезисом: “—No tiene mala facha. ¿Verdad que sí?” [8. С. 153] (Он неплохо выглядит, правда?) (1). В связи с этой прагматической установкой в испанских диалогах высока частотность вопросов, находящихся в постпозиции к высказыванию. Их функция — призвать собеседника поменять свою точку зрения на точку зрения говорящего, безоговорочно согласиться с ней: “Vivimos muy a gusto como vivimos. No nos falta lo necesario. ¿Para qué vamos a buscar tres pies al gato? — No te amontones. Nadie quiere tirar el bienestar por la ventana” [8. С. 163] (Мы живем в свое удовольствие так, как мы живем. Все необходимое у нас есть. Зачем что-то еще выдумывать? (дословно: зачем искать три ноги у кота?) — Не кипятись. Никто не собирается бросать деньги на ветер (дословно: выбрасывать состояние в окно). В приведенном диалоге мужа и жены используются фразеологизмы, придающие оттенок гиперболизации общению и утрирующие его в целом нейтральный, обыденный тон. Для испанского диалога характерны каскадные, сдвоенные вопросы: т.е. сам вопрос, а после него добавле-

ние: ¿no es eso? (не так ли?) ¿no es cierto? (ведь верно?) ¿se puede saber? (можно узнать?) ¿puedes decírmelo? (ты можешь мне сказать?). Приведем пример из художественного текста: „¿**Por qué** las chicas no se ponen a servir como Dios manda, di?, ¿**por qué**?“ [7. С. 198]. Одним лишь повторением вопросительного слова в конце высказывания достигается эффект его эмоционального воздействия на коммуниканта. Весьма типичными среди испанцев можно считать вопросы, ответов на которые никто не ждет. Широко известна испанская фраза, адресуемая родителями к детям: “!Calla y responde!” (Замолчи и отвечай!). Для приветствия используется тройственный союз реплик, по формальным признакам вопросительных, а по сути риторически-восклицательных: “¿Qué tal? ¿Cumo estás? ¿Qué hay?”

В диалогах испанцы предпочитают (очень любят!) повторять предыдущую реплику, дабы не допустить образования коммуникативного вакуума или уверить говорящего: да, я не отвлекаюсь на свои мысли, я слушаю Вас, я весь — внимание: ... “como su padre de apellido es López, yo le digo Lopito, ¿**le parece mal**? — ¿**Qué me va a parecer mal! Me parece muy bien** trando” [8. С. 166] (...так как фамилия его отца Лопес, я называю его Лопито, Вам это не нравится? Как же это мне не нравится! Очень даже нравится: хорошо придумано). Если убрать из диалога «лишние» элементы, то исчезнет идиоматическая экспрессивность, особая испанская выразительность. Если испанец ни к кому не обращается, то он в этом случае обращается сам к себе, трансформируя монолог в диалог, но с самим собой. Эмотивность достигается за счет вкрапления дополнительных, часто десемантизованных элементов. Ср.: Y además pasan cosas raras, ¡pero que muy raras! (И кроме этого происходят странные вещи! ну очень странные!).

Повторы (В. Бейнхауэр сравнивает их с эхом) лишены информативной содержательности. Зачастую это всего лишь дань вежливости. Приведем в качестве примера еще один диалог — на это раз, между двумя женщинами: “...cuando lloro por un disgusto o una desgracia es <...> como si me rasparan el alma. No sé si me explico. — Como explicarte, te explicas; pero comprenderte, no te comprendo. — Pero yo sí. — Pero yo no” [8. С. 49] (Когда я плачу из-за огорчения или несчастья, то это — как будто мне душу раздирают. Я не знаю, понятно ли я говорю. — Говоришь-то ты понятно; но понимать тебя — я не понимаю. — А я да. — А я нет). Вслед за диалогом автор позволяет себе важное для нас обобщение: “Nadie se entiende porque no necesitan entenderse. Les basta con chillar palabras, no razones” (Никто не понимает друг друга, потому что никому это и не нужно. Достаточно выкрикнуть слова, а не суждения). В этой мимоходом оброненной ремарке для нас заключен огромной важности вывод: в диалоге каждый стремится быть понятным и принятым адресатом, но в глубине души не надеется на это. Испанской диалогической реплике суждено оставаться гласом вопиющего в пустыне. Цель и смысл испанского диалога заключается в продолжении процесса общения. Украшением диалога, его пикантной приправой является фатическая гиперболизация, объективируемая бессодержательным, но эмоционально насыщенным присовокуплением в информативной части реплики слов-паразитов, эвфемизмов и инвектив: ni sabes de la relación ni hostias (corpus); o sea que no hay ni enchufes ni leches; hombre ¿pero tú qué le dices? — ¿qué quieres que le diga, hostia? Пытаясь разговаривать не идущего

на контакт собеседника, испанец выдает целую тираду, где перемежаются восклицания, утверждения и вопросы: “Sí pero yo es que, escucha, pero yo ¡qué coño! A ver, Andrés, mira, fíjate, es que no me quiero enfadar. Yo — yo ¿cómo voy a saber lo que tú piensas y lo que tú quieres!? Si he venido aquí para hablar contigo y decirte qué cojones te pasa. A ver ¿qué quieres que te diga ya!? ¡hostia! es que /yo estoy hasta la polla” [5; 9]. Нередко инвективные лексемы, особенно в молодежной диалогической реплике, внедряются в синтагму без какого бы то ни было согласования с ней. Это слова *puto/a*, *coño*, *mierda*, *hostia*, *cojones* [6. С. 67]. Примеры: “¿dónde *coño* me has dejado?”; “no sé cómo *mierda* se jodió el cable” [5. P. 14]. Благодаря тому, что затрагиваемые здесь процессы засорения языка носят всеобщий характер, сложностей с переводом не возникает: «Куда ты, блин, меня привез?», «Не знаю, как, черт побери, порвался этот провод».

Внедрившееся в синтагму inferнальное выражение (эмоциональное ругательство) не ассимилируется ее структурой, но и не отторгается ею, преследуя цель усиления экспрессивности фразы. Такие вкрапления разнообразят речь. Высказываясь, испанец перебивает сам себя, проявляя склонность домысливать ответ собеседника. Удельный вес домысливаний и отступлений почти равен удельному весу самого сообщения: “**Para serte sincera**, nunca me gustó *Encarna*, Mario, ni *Encarna* ni las mujeres de su pelaje, **claro** que *para ti* hasta las mujeres de la vida merecen compasión, **que yo no sé dónde vamos a llegar**, ‘*nadie lo es por gusto; víctimas de la sociedad*’, **me río yo**, que los hombres puestos a disculpar resultáis imposibles, **porque lo que yo digo**, ¿por qué no trabajan?” [8. С. 46] (Откровенно говоря, мне никогда не нравилась Энкарна, Марио, ни Энкарна, ни женщины ее типа, конечно, по тебе, так даже женщины легкого поведения заслуживают сострадания, я уж и не знаю, до чего мы так докатимся, «они сами этого не хотят, они жертвы общества», мне смешно: вы, мужчины, начиная оправдывать кого-нибудь, становитесь невыносимыми, **потому я и говорю**, почему они не работают?). М. Делибес точно воспроизводит основные черты диалогической речи, ее сбивчивость, сочетающуюся с избыточностью, подмечает тенденцию отступать от исходного тезиса в сторону и уже не возвращаться к нему. Единственное, о чем сказала сама Кармен в этом фрагменте, — это что ей не нравится Энкарнасьон. Далее героиня прогнозирует реакцию мужа на свой «зачин», предвидит, что он не согласится с ней и защитит критикуемую особу. Этого прогноза достаточно для выстраивания обличения, включающего в себя цитату из прецедентных высказываний мужа о невинности продажных женщин в своей горемычной судьбе.

Импulsивность национального характера приводит и к обилию в речи форм множественного числа, их использованию там, где логически их быть не должно. Наблюдается тенденция к собирательному видению, удвоению: *buenos días*/добрый день; *buenas noches*/добрый вечер; *gracias*/спасибо; *las matemáticas*/математика; *los correos*/почта; *los grandes almacenes*/универсам, *las navidades*/рождество, *las autoridades*/власть, *los cielos*/небо, *en vísperas*/накануне; *llueve a mares* (море присутствует больше, чем в русском *es la mar de simpático arar en el mar, azul marino*), *llueve a cántaros* / букв.: дождь идет кувшинами, а у нас — дождь льет как из ведра (из одного ведра); *no estar en sus casillas* / быть не в себе (не в своих клетках); *con los*

hígados en la boca / в гневе (букв.: с печенью (во мн. ч.) во рту); por narices; en las espaldas. Изучающему испанский язык бросается в глаза злоупотребление формами превосходной степени: “No sabes *cuantísimo* te lo agradezco” [7. P. 255], а также повторы.

Избыточность проявляется и в сфере оборотов с числовым компонентом. Если для русского два — это мало, а три — в самый раз (в сказках все осуществляется с третьего раза), то в испанском языке мало и двух, и трех, и даже четырех. Четыре — показатель малочисленности: *vinieron a la clase cuatro gatos* / на занятия пришли четыре кота, т.е. мало людей; *cuesta cuatro duros* / стоит четыре пятака (у нас теперь говорят «три копейки»). *Cuatro gatos* — так называется детский журнал www.cuatrogatos.org, а также ресторан в Саламанке [9].

Если говорить о сущности испанского общения, то академическое определение, утверждающее, что общение — это коммуникативная деятельность по обмену разного рода информацией, нам не подойдет. В испанских бытовых разговорах заключен минимум информативности. Общение носит скорее фатический характер, нежели содержательный. Даже если информация звучит, она, по сути, мало интересует собеседника (Неважно, **что** вы скажете, важно только то, **как** вы это скажете).

Для выражения позитивной оценки и ее эмфазы диалог прибегает ко все более частому употреблению согласованных и несогласованных прилагательных-интенсификаторов иногда откровенно сниженной, инвективной природы: *molón*, *alucinante*, *de puta madre*, *mogollón*, *de la hostia*, *alucinante*, *flipante*, *guay*, *superguay*, *mazo*, *chachi*, *súper*, *superfenomenal*, *a tope*. В роли определения могут выступать целые предложения: *que te cagas*, *que te mueres*. Хотя многие из них с позиций литературного языка носят табуированный характер: *cojonudo*, *acojonante*, *de cojones*, это не мешает им прорываться в прессу и художественную литературу. Модными стали жаргонные формулы *estar guay*, *ser la hostia*, *ser la polla*. Для выражения абсолютного, окончательного и бесповоротного отрицания используются обороты *ni de coca* или *ni a hostias*. Но даже столь гиперболические средства быстро утрачивают эпатажную силу и актуальность. Ритм их замены на новые отличается высокой динамичностью. На сегодняшний день экспрессивной силой обладают жаргонные глаголы *alucinar*, *flipar* (от англ. flip) — ‘сходить с ума, балдеть’ у *molar*. Одни и те же экспрессивные средства выражают противоположные эмоции и их оттенки, ибо экспрессивность шире по спектру действия, чем эмоциональность.

В обиходной беседе, как и в русском языке, часто упоминается Бог. Религиозная лексика оставила свой след даже в слове *Adios* — *пока*. Вставки с упоминанием Бога и Пресвятой Девы десемантизировались и потеряли свой сакральный характер. В испанской католической церкви внимание прихожан невольно сосредотачивается на телесных муках Христа. Перед их глазами — распятие. *Jesús de talla con los labios pálidos entreabiertos y la mirada de cristal fija, parecía dominado por el espanto, como si esperase una escena trágica inminente* (Alas “Clarín”. La regenta, p. 742). Кроме того, весьма употребительны различные напутствия, пожелания с упоминанием Бога, Пресвятой Девы Марии, святых, ангелов: *Que Dios te proteja*, *que Dios te bendiga*, *solo Dios sabe*, *Dios las tenga en su gloria* (об умерших), *que Dios te oiga*, *como Dios manda*, *válgame Dios*. Весьма частотен вопрос «Ради чего?» —

¿A santo de qué? Если кто-то чихает, то принято говорить *Jesús!* Приведем некоторые примеры: “Si <...> te pones a buenas y le llevas con un poquito de mano izquierda [...] *sabe Dios* dónde hubieras podido llegar” [7. P. 63—64]. “Pero un buen día te dije que ‘Si’ y se acabó, mano de santo (как рукой сняло), como yo digo” [7. P. 68], “Y los amigos, ya lo decía la pobre mamá <...> pueden valer más que una carrera, y tiene más razón que un santo” [7. P. 64]. “Hay días en que es maravilloso. Las palabras te llegan sin problemas, las frases se hilvanan con naturalidad y la prosa y el pensamiento se dan la mano y fluyen a las mil maravillas. Esos días uno disfruta una barbaridad. Pero hay otros en los que el motor se gripa. La cosa se enreda, triunfa la confusión y aquello *no hay Dios que lo lea*”.

С одной стороны, мы повсюду в литературе встречаемся с обращениями к Богу, выражающими то хвалу ему, то надежду на него, с другой стороны, страшные, мерзкие, отвратительные ругательства включают в свой состав прямые упоминания Бога. Это чудовищно: *me sago en Dios, virgen puta*. Образ распятия Христа может вплестаться в шутивно-эротические коплас: “¡Cuando estaremos, mañita, / como los pies del Señor: / el uno encima del otro / y un clavito entre los dos!” [4. С. 223] (Когда мы будем с тобой, дорогая, вместе, как ступни Господа: одна на другой, и обе гвоздиком пробиты!). Вот такое вот единство... противоположностей! С XIII в. в Испании было принято сочинять духовные стихи и распевать их на мотивы известных песен. Так, песнопение во славу Богородицы “*Cancionero de Nuestra Señora*” (1591), по указанию клира, нужно было исполнять на мотив частушки “*Mi marido anda cuitado, yo juraré que está castrado*” (Мой муж ходит печальный, клянусь, он кастрирован) [4. P. 20]. Аргументом такого выбора служило следующее утверждение: нельзя отдавать дьяволу хорошие популярные мелодии! Гремучая смесь такого восприятия и отношения ко всему божественному обязана своим существованием, возможно, трехсотлетней инквизиции (1481—1818), господствовавшей. Мрачная слава испанской инквизиции затмила злодеяния инквизиторов в других странах, оставив миру нарицательное имя, когда-то бывшее собственным, — Торквемада. Именно из этой эпохи пришли в русский язык известные словосочетания — *испанский воротник, испанский сапог, испанский галстук, автодафэ*. Почему же инквизиция была столь беспощадной именно в Испании? Здесь имеют место именно принципиальные расхождения строя духа испанца и строя духа инквизиции, вытекающие из сущности средневекового мирозерцания, утверждавшего: земная жизнь не имеет цены, она только приготовление к царству небесному. Если испанец согласится с этим заявлением, он перестанет быть испанцем. Собственно, это и происходило. За время инквизиции погибли 32 тысячи человек. «Инквизиторы — люди невежественные, кровожадные, скупые, они, подобно ястребам, живут продуктом своих хищений», — так доносили королю Карлу V, оставлявшему доносы без внимания [11]. Три века инквизиции оставили метку и в языке. Сегодня религия — лишь повод пообщаться, повеселиться, встретиться с друзьями и родственниками. Религиозных праздников — огромное количество, но никто понятия не имеет, что это за святые, в честь которых организуются грандиозные шествия. «Святых женского пола не меньше, чем мужского. В отличие от своих коллег-мужчин, чьи статуи в человеческий рост носят по улицам в коричневых, серых либо грязновато-белых одеяниях, причисленные к лику

святых женщины предстают перед народными очами во всем своем чарующем блеске. Со слезами на глазах, бледные, но привлекательные, они появляются и плывут над головами толпы в небесного цвета лазурно-синих туниках, в белых вышитых золотом платках и в переливающихся серебряных коронах с золотистым нимбом. В свой праздник „сантос“ и „сантас“ выносятся на прогулку во главе целой процессии днем или вечером. Их несут на носилках двенадцать крепких мужчин, за которыми частенько несут фигуры Иисуса Христа и Святой Девы Марии» [12]. Разве не излишество? Как же не выразиться ему, не отлиться в языке? Это игра, один из способов *disfrutar* — получать от дня сегодняшнего максимум удовольствия. К невзгодам надо относиться с юмором. Юмор сквозит во всех жанрах народного творчества и художественной литературы. Приведем в качестве примера народного остроумия и умения играть словами одну коплу: «Ninguno por cantar bien / hable mal de aquel que canta: / unos cantan lo que saben / y otros saben lo que cantan» [4. С. 206] (Пусть никто из тех, кто хорошо поет, не осуждает тех, кто поет плохо: одни поют то, что знают, а другие знают, что поют). Высказывание выглядит избыточным, однако без избыточности оно утратит мягкое и ироничное звучание и станет нотацией типа *знай, что поешь, и не критикуй других*.

Жизнь языка неотделима от языкового сознания его носителей и от их национального менталитета. Известно, что язык является знаковой системой и средством общения. Но еще важнее, что язык — это и орудие, и результат, и память мыслительно-эмоционального, духовного творчества или творческой апатии его носителей.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее перевод автора статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фирсова Н.М.* Испанская разговорная речь. — 2-е изд. перераб.и доп. — М.: Муравей, 2002.
- [2] *Баллод И.В.* Разговорный и письменный язык в лингвистике // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». — 2007. — № 3. — С. 99—103.
- [3] *Мунгалова О.М.* Horror silentii как стратегия испанской диалогической и монологической речи // Романские языки и культуры: от античности до современности: Тезисы докладов. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — С. 51—53.
- [4] Испанская народная поэзия. Cancionero español. — М.: Радуга, 1987.
- [5] *Mitkova A.* El estilo comunicativo de los jóvenes. — Sofia: Universidad de Sofia “San Clemente de Ojrid”, 2009. URL: <http://www.ucm.es/info/circulo/no37/mitkova.pdf>
- [6] *Briz A.* Corpus de conversaciones coloquiales / por A. Briz y Grupo Val.Es.Co. — Madrid: Arco Libros, S.L., 2002.
- [7] *Delibes M.* Cinco horas con Mario. — Moscú: Editorial Progreso, 1979.
- [8] *Díaz-Cañabate A.* Paseillo por el planeta de los toros. — Madrid: Alianza Editorial, 1970.
- [9] URL: www.cuatrogatos.es
- [10] URL: <http://www.elpais.com/edigitales/entrevista.html?encuentro=7399> Charla EN DIRECTO con José Ángel Mañas sobre su nuevo libro, ‘Sospecha’.
- [11] URL: <http://lib.ru/HISTORY/INKWIZICIA/inquiz.txt>
- [12] *Дрю Лоней.* Эти странные испанцы. URL: <http://readr.ru/dryu-loney-eti-strannie-ispanci.html>

SEMANTICS-SYNTACTIC REDUNDANCY OF THE SPANISH DIALOGUE REMARK

M.V. Kutieva

Chair of foreign languages № 3 of the Institute of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with broadening tendencies of typical non-formal, everyday Spanish dialogue. We examine exaggerated loudness, repetitions of the same words, great number of nouns in plural, abuse of superlative degree, demonstrate effusiveness and exaltation of Spanish national character and general attitude to the world.

Key words: the absence of informativeness, the dual question, rhetorical remarks, expressiveness, emotionalism.